

Книги Григория Шаргородского
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

УБИВЕЦ МАГОВ. КАЛИБР 9 ММ
УБИВЕЦ МАГОВ. ВОЙНА НЕЛЮДЕЙ
ЗАБЛУДШАЯ ДУША. ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ГРИГОРИЙ ШАРГОРОДСКИЙ

**ЗАБЛУДШАЯ ДУША.
ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ**

РОМАН

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш25

Серия основана в 1992 году
Выпуск 857

Художник
В. Аникин

Шаргородский Г. К.

Ш25 Заблудшая душа. Переселенец: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 377 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1540-3

Новый мир, незнакомый и таинственный. Новое тело для погибшего на Земле человека и увлекательные приключения. Казалось бы, чего еще желать? Вот только пристанище для заблудшей души оказалось временным, а тот, кто организовал переселение, сделал это небескорыстно. Кем еще придется стать парню из российской глубинки: дворянином, пиратом, нелюдью-дари, генералом или даже императором? Это будет решать только могущественный кукловод, а «переселенцу» остается лишь надеяться, что из круговерти сплошных приключений все-таки есть выход.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1540-3

© Шаргородский Г. К., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ПРОЛОГ

Удивительно мягкий, какой-то золотистый мрак рассеивал лишь слабый свет двух спиртовых ламп. И все же эти робкие огоньки заставляли стены подвала буквально сверкать.

Но ни свет ламп, ни даже удивительный цвет стен не интересовали распятого на деревянном щите человека. Его сейчас вообще мало что волновало, кроме боли. Кряжистый моряк оказался на удивление изобретательным малым, и все же Гатара Скользящего было трудно удивить подобными «изысками».

— Ну как, не появилось желание говорить? — с кривой ухмылкой осведомился палач и практически без паузы трижды ударил пленника в живот.

Боль вспыхнула подобно огненному ядру и расплескалась по всему телу мошенника, достигая головы и кончиков пальцев. Болевой порог был пройден уже давно, но Гатара сдерживала отнюдь не гордость, а страх — страх перед тем, кто намного изобретательнее и жестче палача-самоучки: перед Кривым Оклом.

Мучения пленника были неожиданно прерваны появлением нового персонажа этой трагической сцены. Дверь тихонько скрипнула, и в нее вошел седовласый мужчина в дорогом, черном с серебряными узорами камзоле. Сквозь муть в глазах Гатар все же сумел узнать ненавистного всем преступникам города графа Гвиери.

— Ну и как у нас дела? — осведомился граф, подходя ближе.

— Молчит, скотина, — сплевывая на пол, ответил невы-

сокий, почти квадратный мужчина, выполнявший роль палача.

Впрочем, это занятие явно не было его основной профессией. Длинный, до середины бедра серый камзол без рукавов с узким стоячим воротником, короткие мягкие сапожки и конечно же пышные бакенбарды выдавали в нем кронайского моряка, который вряд ли опозорит род дельфина грязным занятием. Но у графа Гвиери и дворяне будут чистить конюшни, считая, что занимаются достойным делом.

— Плохо, очень плохо, — устало вздохнул граф, подходя вплотную к распятому пленнику. — Может, передумаешь? То, что тебя ждет дальше, намного хуже самой сильной боли и даже смерти.

В ответ мошенник хотел плюнуть в лицо графу, но догадливый кронаец резко ударил его в живот, и Гатар подавился собственным плевком.

— Ну что ж, придется пойти на крайние меры. — Граф еще раз вздохнул, и понятливый Карн тут же поставил позади него маленькую табуретку.

Гвиери грузно сел на жалобно скрипнувший предмет мебели. Когда-то граф мог похвастаться могучим телосложением и незаурядной ловкостью, но, увы, годы не пощадили бывшего победителя рыцарских турниров и любимца женщин. Его тело хотя и не заплыло жиром, но уже не обладало ни стройностью, ни силой. А почти вторые сутки без сна окончательно утомили уже далеко не молодого графа.

Непонятные события в городе накатывали, словно горная лавина, а он до сих пор не мог понять, что именно происходит. Станным образом в этих событиях были завязаны и верхи, и низы общества. Столица княжества гудела в предчувствии неких перемен, а интуиция старого воина вопила об опасности. Но если на поле боя, почувствовав неладное, ему достаточно было оглянуться вокруг, чтобы найти источник опасности, то здесь приходилось прикладывать титанические усилия, дабы уловить хоть тень угрозы.

Даже поимка Гатара Скользяго, которого осведомители называли важной фигурой в бродящем котле запутанной интриги, закончилась полным провалом — Гатар молчал.

Упрямство мошенника и острая нехватка времени подталкивали графа к использованию крайнего средства — магии. Граф не разбирался в магическом искусстве, так же как и большинство его современников: люди вынесли из своего темного прошлого страх перед магией, и теперь она была под строжайшим запретом. Но ситуация становилась безвыходной, к тому же у графа имелся подходящий специалист, и он все же решил рискнуть.

Профессор Урген, которого граф поймал на скупке запрещенных артефактов, но не послал на костер, а приберег для себя, предлагал невиданную вещь — поселить в теле человека какой-то потусторонний дух, привязывая его к так называемому «камню душ».

Это давало несколько плюсов: духу некуда деваться из тела, кроме как обратно в камень, поэтому вызванной из темного мира сущности придется выполнять приказы. К тому же новому «жильцу» доставалось не только тело, но и память носителя, что позволит узнать, что же на самом деле происходит в городе.

И все же риск замараться грязью древней магии и никогда не отмыться от нее был чрезвычайно велик. И только где-то в глубине души он понимал, что поступает так не от безвыходности, а желая испытать запрещенное оружие в деле.

Граф устало растер ладонями лицо и решительно встал. «Выбора нет, и промедление смерти подобно».

Княгиня Лара, которая всегда очень внимательно относилась к советам старого друга ее отца, вдруг как-то охладела к Гвиери. А на последнем Большом Совете барон Немеш смотрел на графа с таким выражением на лице, словно точно знал день и час его смерти. «Он смотрел даже без ненависти, а с брезгливой жалостью!»

Сомнения графа были прерваны появлением красавицы Яны и плюгавенького профессора.

— Ваша, милость, я доставила этот диковинный гриб, как приказывали, — озорно улыбаясь, отрапортовала истинная дочь степей. Невысокая и смуглая, как все хтары, Яна обладала стройным телом и весьма соблазнительными

формами, при этом была опасна как камышовая кошка и настолько же игрива.

Девушка не удержалась от очередного озорства — тесно прижалась своим изрядным, прикрытым лишь тонкой блузкой бюстом к спине профессора, а затем подтолкнула его в сторону графа. Как результат — пожилой ученый залился краской смущения и смог прийти в себя лишь через пару минут.

— Профессор, соберитесь, у нас мало времени, — устало сказал ученому граф и недовольно посмотрел на Яну.

Девушка потупила взор и даже слегка присела в книксене. Но граф был уверен, что под полуприкрытыми веками с длинными ресницами пляшут чертенята.

— Профессор!

— А? Что? — постарался собраться Урген, но наткнулся взглядом на распятого мошенника и опять впал в ступор, но в этот раз побледнев. Профессор, одетый в немного мешковатую «скуху» — просторный балахон с капюшоном, традиционный наряд как ученых, так и священников, — подслеповато сощурившись, смотрел на пленника. Его и без того бледное лицо стало похоже на желтую бумагу древних манускриптов, а длинный нос еще больше заострился.

Дело решил Карн. Он подошел вплотную и тихо произнес:

— Проф, если ты сейчас же не начнешь работать, то займешь его место.

Слова крепыша возымели моментальное действие, и Урген встрепенулся. Затем его мысли явно приняли научный характер, и до этого момента растерянный и испуганный человек преобразился.

Он резким движением пригладил длинные, немного слипшиеся от пота черные волосы, быстро присел на корточки и начал доставать из своей сумки баночки, иглы и другую малопонятную мелочь. Когда в руках профессора появилась угольная палочка, он встал, осмотрел золотисто-белый с красными разводами пол и решительно отодвинул Карна в сторону.

Кронаец хотел было возмутиться, но промолчал, увидев, как ученый сноровистыми движениями начал вычерчивать на полу сложную пентаграмму.

Глава 1

МОШЕННИК

Тоненькие дощечки уже давно не пахли свежим деревом, хуже того — они издавали «непередаваемые» ароматы то ли сгнивших овощей, то ли какой-то рыбы. Впрочем, в этот момент меня волновали совсем не странные запахи, а тихие шаги за горой пустых ящиков. Казалось, сердце стучит намного громче этих шагов, и его было отчетливо слышно всем преследователям.

— Эй, падаль, вылазь! Все равно найдем! — прокаркал хриплый голос за ящиками.

Страх стал еще сильнее. Трясшиеся руки судорожно сжимали скользкую от пота рукоять пистолета, названия которого я так и не вспомнил.

Вы когда-нибудь мечтали оказаться в роли крутого британского суперагента? Я, честно говоря, не помню. Но при просмотре бесконечной шпионской киносаги подобные мысли наверняка проскальзывали. И вот сбылась мечта идиота! Но я-то мечтал о шикарном отеле и красивых женщинах, и в мечтах точно не было мрачного склада и старого пистолета в дрожащих руках.

Даже не знаю, заряжен ли он!

Любой «смотритель» боевиков и «игратель» в компьютерные стрелялки облил бы меня презрением за подобные мысли и поведение. Но не думаю, что подобный критик смог бы сохранить свой энтузиазм, оказавшись на моем месте.

Вся эта история отдавала бредом с самого начала. Мой старый друг и коллега еще по работе в торговой фирме, точно так же, как и я, оказавшийся за бортом по причине кризиса, предложил подработать грузчиками на каком-то скла-

де. Стыдно, конечно, но иного выхода не было. Сам виноват — в молодости я не влезал в бандитские разборки, а в зрелом возрасте не занимался рискованным бизнесом, почему-то решив, что профессия честного менеджера сможет гарантировать безбедную жизнь и обеспеченную старость. Вот только желание сыто есть и спокойно работать в эпоху кризиса и совершенно обалдевших от безнаказанности работодателей должно сопровождаться профессиональными навыками в целовании одного места у «барина». Увы, тут сказалось мое «неправильное» воспитание — ну не нравится мне этот процесс! Как результат — увольнение и шанс поработать грузчиком.

В принципе я никогда не считал физический труд презренным и был готов вкалывать в поте лица, да только склад мы выбрали не тот.

На десятом ящике сильный, но слегка рассеянный Мишаня умудрился зацепиться ногой за какой-то кабель. Тело прошедшего ВДВ еще нестарого мужчины сумело избежать падения, чего не скажешь о ящике. Фанерная конструкция рухнула углом на бетонный пол и моментально развалилась, причем так «удачно», что припрятанные между мягкими игрушками солидные пакеты с чем-то белым разлетелись в разные стороны.

И хозяин склада, и крепкие ребята, приехавшие за товаром на вместительной «газели», напряженно застыли. Этого мгновения мне хватило лишь на понимание того, что в пакетах далеко не стиральный порошок, и на судорожный вздох. А вот Мишаня, которого в офисе все считали тугодумом, успел прокачать ситуацию и ударом локтя вырубить стоявшего рядом с ним здоровяка в кожаной куртке. К этому моменту наркоторговец успел достать из-за спины пистолет, который Мишаня лихо перехватил. Затем он цапнул меня за шиворот и потащил в глубь склада.

Вот кому нужно было мечтать о подвигах суперагента! Я был восхищен до глубины души и благодарен судьбе за то, что мне так повезло с напарником. Но, увы, везения хватило только на меня одного — сзади раздался сухой щелчок выстрела, и Мишаня, словно споткнувшись, рухнул на пол.

Может, мне и стыдно за страх и неуклюжесть, но, когда

было нужно, я умел поступать правильно. Животный ужас и жуткая истерика все же не заставили меня побежать дальше в одиночку. Ухватив тяжеленного Мишаню за безвольную руку, я затащил его в боковой проход. К сожалению, все мои старания и героизм оказались бессмысленны — Мишаня был мертв.

Все, на что меня хватило, — это забрать из судорожно сжатых пальцев товарища пистолет, которым я, несмотря на лихое прохождение всевозможных игр и службы в армии, совершенно не умел пользоваться.

Узкий коридор заканчивался большим, но абсолютно глухим складом с высокими штабелями пустых ящиков, за которыми я и укрыл свое трясущееся тельце. А через несколько секунд в помещении появился преследователь.

— Выходи!

Жить хотелось невероятно, и даже появлялось желание добровольно сдаться бандитам, пообещав им полное молчание, в призрачной надежде на помилование. Вопреки всем протестам логики, тело как-то само собой начало подниматься с бетонного пола. Под подошвой потрепанной жалкой имитацией спортивных занятий кроссовки противно скрипнула бетонная крошка. И тут же между стенами склада заметался оглушительный звук, в котором я узнал грохот автоматной очереди с легким оттенком треска пробиваемых пулями деревянных планочек. А через мгновение мое сознание ухнуло в бездонную пропасть.

Вам никогда не снилось, будто вы плывете в темной воде, когда не только тело, но и душа рвется вверх, к воздуху и свету, а по спине бежит мороз от предчувствия того, что сейчас кто-то ухватит за ноги и потащит на глубину? Нет? Значит, повезло. Мое пребывание во мраке было именно таким, и хуже всего то, что за ноги все-таки ухватили и потащили...

Свет больно ударил по глазам, и лишь через несколько мучительных секунд я понял, что он был не таким уж ярким. Над головой низко навис белый потолок, а боль во всем теле подтвердила, что я все еще живой.

Неужели мне удалось спастись и это больница?

Увы, реальность тут же развеяла все надежды — четыре крепких руки подхватили меня под мышки и поставили вертикально. Боль во всем теле на минуту затуманила взгляд, но затем все же отпустила, позволяя рассмотреть помещение, а также всех, кто в нем находился.

В действительности стены были не совсем белыми, а скорее светло-золотистыми, причем казалось, что комната вырублена в сплошном камне, с виду напоминавшем пирит. Свет похожих на керосиновые ламп играл на поблескивающих крошечными кристалликами стенах. Но в данный момент мне было не до местных красот. Два очень опасного вида мужика в совершенно диких нарядах довольно грубо прислонили меня к какому-то щиту, буквально распиная на деревянной конструкции с помощью ремней.

Да уж, это точно не приемный покой неотложки.

Тюремщики хоть и были одинаково грубы, но внешне являлись совершенной противоположностью друг другу. Кряжистый кронайский моряк с обветренным лицом, коротким ежиком на голове и шикарными бакенбардами резко контрастировал рядом с совершенно лысым мужиком, отмеченным татуировкой имперского центуриона на виске и правой скуле. Среднего роста мускулистый центурион был одет в кожаную безрукавку, с трудом сходящуюся на мощной груди.

Стоп! Какой кронайский моряк? Какой центурион? Где я?! Кто я?!!

А вот последний вопрос, как ни странно, оказался самым насущным. Память тут же услужливо выдала информацию, что я — Гатар Скользкий, не так давно прибившийся к сатарскому воровскому обществу, имею честь принадлежать к благородной братии мошенников. И это при том, что я прекрасно помню — по паспорту значусь как Иван Александрович Боев, прописанный в городе Таганроге на улице Энгельса. Помню все: школу, институт, «залет» в армию и ту проклятую работу в представительстве большой иностранной фирмы. Но как только задумываюсь о чем-то из окружающей реальности, чужая память затягивает в омут воспоминаний Гатара Скользкого.

И что бы это значило?

Опустив взгляд вниз, я понял, что, как говорил мой дядя: «Таки да, это не мое». Я никогда не обладал столь волосатой грудью, да и похожая на кимоно рубаша в сочетании с кожаными штанами и короткими сапожками — явно не мой фасон. Уверен, что и с лицом те же проблемы.

Скорее всего, сбывлась еще одна мечта идиота. Прочитанные мной десятки книг с историями про попаданцев не могли не вызвать некоторых фантазий.

Лучше бы я фантазировал о Леночке — секретарше бывшего босса!

Из глубин самокопания с оттенком жалости к себе несчастному меня вырвала звонкая пощечина от коротышки-кронайца. Хорошо хоть это сделал не центурион — если бы «прилетело» лопатообразной ладошкой качка, сотрясение мозга было бы наилучшим исходом.

Впрочем, хватило и того, что есть: похоже, таким оригинальным образом морячок пытался привлечь мое внимание к еще одному персонажу в подвале, а именно — к импозантного вида седовласому дядьке в шикарном черном камзоле. Эдакий испанский гранд с зачесанными назад волосами и бородкой клинышком. Взгляд сам собой прикипел к изящной вязи серебряной вышивки на камзоле, но еще один «гостинец» от моряка заставил всмотреться в лицо местного начальства. И что самое странное, я его узнал. Точнее, не я, а Гатар Скользкий — вот же дал бог имечко! И не просто узнал, а жутко испугался. Как оказалось, судьба предоставила залетному попаданцу сомнительную радость встретиться с самим графом Гвиери, которого еще называли Кровавым Моржом — советником княгини и начальником службы безопасности княжества Сатар.

Граф подошел на шаг ближе, повторяя свой вопрос, и я его понял!!! Хотя язык, на котором говорил этот колоритный персонаж, точно не был русским. Граф поинтересовался, все ли мне слышно и понятно.

— Да, слышу, — поспешил я заверить его в своей внимательности, потому что видел желание морячка еще раз приложиться к моему лицу.

Моему ли? Впрочем, задаваться подобными вопросами

было преждевременно, конечно, если не стремиться к тому, чтобы выпасть из этого тела сразу же после попадания.

— Готов ли ты ответить на мои вопросы, джинн?

Джинн? Даже так?! Бли-и-ин!!!

— Готов, — тут же согласился я, не вступая в эзотерические дискуссии, потому что проклятый коротышка вновь зашевелился. От шока я даже не заметил, что говорю не на родном языке.

— Твое последнее дело?

— Мое? — довольно справедливо удивился я.

Коротышка вновь дернулся, но был остановлен графом.

— Не бей его по лицу, — заботливо высказался он и заново озвучил вопрос: — Последнее дело Гатара Скользкого? Вспоминай, джинн, ты должен это знать.

И ведь действительно знал!

— Договориться о продаже какой-то штуки под названием «бутон пламени», — буквально само собой вылетело у меня изо рта.

Внезапно плюгавый мужичок в какой-то рясе с капюшоном тонко вскрикнул.

— Что случилось, профессор? — тут же повернулся к нему граф.

— «Бутон пламени» — это мощнейший артефакт. Он может взорвать небольшой дом, — громким шепотом, который услышали все присутствующие, сообщил мужичок.

— Не вижу ничего ужасного, — пожал плечами граф.

— Но, если соединить его с «лепестком магмы», погибнет половина города.

— Проклятье, — скрежетнул зубами граф и вновь уставился мне в глаза. — Кто продавец?

Я задумался, и, как оказалось, напрасно — в голове было совершенно пусто. Молчание было воспринято неадекватно, и кронаец впечатал кулак в мой многострадальный живот. Мысли опять вылетели из головы, но зато там появился ответ — Кривой Окл! Я даже не успел удивиться и подумать, кто этот Окл, как память тут же выдала такой поток информации, что мозг буквально взорвался болью.

Не было никаких картинок и вспышек с образами, как в кино с воспоминаниями героев, я просто вспомнил, что

Кривой Окл, которого еще называют Жирным, был местным паханом — очень хитрой и жестокой скотиной. Еще вспомнил, что я, точнее Гатар, попал в «нежные» ручки графа именно по вине Окла. Впрочем, если быть совсем уж честным, мошенник сам виноват — нечего было связываться с этим боровом и принимать у расфуфыренного дворянчика, больше похожего на бабу, заказ на посредничество в покупке какой-то магической штуки.

Говорила же мне мама не связываться с демонской грязью.

Стоп, какая мама?

Как — какая? Сакла Номо...

Еще раз стоп! Нужно как-то бороться с лишней информацией и раздвоением личности, если не хочу залететь в местную психушку.

Очередной удар и вспышка боли напомнили мне, что сейчас не вечер воспоминаний.

— Кто продавец? — прорычал граф, раздосадованный тем, что пришлось повторять вопрос.

— Кривой Окл, — максимально быстро ответил я.

— Проклятье, — начал повторяться граф. — Заказчик?

— Какой-то дворянчик, зовут виконт Вляю.

— Ты шутишь! Этот уродец?! — искренне удивился граф. — Кто за ним стоит?

— Не знаю! — От попытки найти ответ, которого, похоже, не существует, головная боль стала невыносимой и легко перекрыла боль от побоев.

— Карн, — скомандовал граф.

— Ваша милость, — неожиданно вмешался мужик в балахоне, которого Гвиери называл профессором. — Ему незачем врать, людские дела джинну неинтересны.

— Хорошо, — неожиданно быстро согласился граф. — Сделка по продаже артефакта завершилась?

— Нет, — прохрипел я, уже не обращаясь к чужой памяти, все и так было ясно.

— Артефакт у Окла?

— Да. Он ждет Гатара с предложением заказчика.

— Хорошо, проведешь нас к Оклу. — Похоже, граф был абсолютно уверен в моей согласии, поэтому сразу обратил-

ся к ученому: — Профессор, вы уверены, что мы не потеряем связь с ним на расстоянии?

— Абсолютно, — убежденно ответил тот.

Только сейчас, внимательнее посмотрев на местного деятеля науки, я заметил и странную пентаграмму, начерченную на золотистом полу чем-то черным, и странный камень в руках профессора. Камень пульсировал в ритме, который подозрительно напоминал биение сердца. И камень, и профессор мне очень не понравились, а когда я прислушался к трепыханию собственной сердечной мышцы и сравнил его с ритмом в камне, происходящее не понравилось мне еще больше.

— Теперь этот джинн связан с «камнем душ» прочной нитью, и я всегда могу ее увидеть, — продолжал вещать носатый ученый.

— Хорошенько объясните нашему новому другу его обязанности и то, чем грозит попытка неповиновения, — строго кивнул седовласый граф и решительно вышел из подвала.

В дверях его пропустила миловидная малышка. Очень миловидная — смуглая кожа, черные волосы, невысокий рост и тонкая талия при солидном бюсте. Ладная фигурка была очень грамотно упакована в тесные кожаные бриджи и свободную рубаху а-ля мушкетеры. Широкий пояс и высокие сапоги довершали образ сорвиголовы и соблазнительницы.

Намерения морячка я буквально почувствовал ноющим от боли животом, поэтому оторвал взгляд от девушки и с повышенным вниманием уставился на профессора.

— Слушай меня внимательно, джинн, — наклонившись вперед, медленно произнес профессор. — Теперь ты — раб этого камня. И если покинешь дарованное тебе тело, то вновь попадешь сюда. — Для убедительности он поднес пульсирующий красным светом кристалл прямо к моему лицу и ткнул в него пальцем. Говорил он едва ли не по слогам, словно общался с маленьким ребенком.

— Говорите нормально, я не debil... — Уже договаривая фразу, я понял, что произнес ее на русском языке. Языкового барьера, как такового, не было. Если не особо обращать

внимание на фонетику, то даже казалось, что окружающие говорят по-русски. Но как только появилась необходимость сказать что-то в ответ, пришлось напрягаться, чтобы правильно использовать слова имперского языка.

— Что? — тут же подтвердил мои опасения профессор.

— Я говорю, что все хорошо понимаю.

— Какой сообразительный джинн.

Ага, опять джинн и как там... «раб камня». Лиха беда начало. А кристалл — это что-то типа лампы? Похоже, сказка про Аладдина — не такая уж сказка.

— Очень интересно, интеллект джиннов выше того, что описывали... — Профессор начал что-то бормотать, но в этом подвальчике было кому последить за регламентом. Владелец шикарных бакенбард толкнул увлекшегося ученого под локоток, и тот моментально оживился. — Ах да. Так вот, душу этого тела мы заперли рунным заклинанием, запечатанным на коже татуировками. Действие заклинания продержится около трех часов. Так что вам необходимо поторапливаться. Не бойтесь умереть. После смерти этого тела ваша душа вернется в камень. Но если вы не умрете в течение трех часов, душа настоящего хозяина тела вырвется из магических пут и уничтожит вашу душу полностью.

Да уж, перспективка. Обычным попаданством здесь и близко не пахнет. Похоже, меня собираются использовать как раба — водителя нужных графу тел. В общем, невесело.

Но, как ни странно, страха не было. То ли события не оставляли времени на рефлексирование, то ли я еще не окончательно поверил в реальность происходящего. К тому же было дико интересно. Поэтому я решил, что терять, кроме чужой жизни, мне нечего, и занялся уточнением нюансов.

— А если мне не захочется выполнять приказы?

Квадратный морячок сразу напрягся и шагнул вперед с явным намерением объяснить, насколько я неправ, но профессор остановил его решительным жестом.

— А вот этого искренне не советую. В кристалл вы все равно вернетесь, и поверьте, там вам не понравится. Так что любой новый выход в мир будет казаться праздником. А еже-

ли будете совсем бесполезны, то останетесь в «камне душ» навсегда.

После осознания моей «сообразительности» профессор перешел на «вы» и нормальный тон, но что-то в его поведении настораживало, он был похож... Точно — на теоретика!

— Вы в этом уверены? — поспешил я высказать свои сомнения.

— Ну, — тут же скис ученый и начал мямлить, — по описаниям Краста Нехрерима в его «Душевном покое» и пояснениям в трудах...

Подобная постановка вопроса не устроила не только меня, но и морячка. Он решительно отодвинул профессора в сторону и взял меня за глотку. Дышать сразу стало намного труднее.

— Слушай, шнырь, у меня появилась мысль потратить один час из отпущенных на твою жалкую жизнь, чтобы поиграть в интересную игру под названием «Я, раскаленный прут железа и мой новый друг».

— Я все понял, — удалось мне выдавить через пережатое горло.

— Вот и хорошо, — тут же покладисто согласился моряк. — Я знал, что ты умный парень. Лован, отвязываем его, до утра осталось мало времени.

Молчаливый центурион не мудрствуя лукаво отодрал мои конечности от щита прямо с ремнями. И лишь после этого я понял, что все происходящее — не сон: пришла настоящая БОЛЬ.

— Твою ж мать! — застонал я, добавляя несколько более емких слов. Морячок аж заслушался. Он, конечно, не понимал смысла, но инстинктивно чувствовал красоту слога русского матерного.

К боли в животе и нескольких неприятных ранах на груди добавилась резь в затекших руках и ногах, так что странное жжение от татуировок на общем фоне даже не замечалось.

Согнувшись от боли, я сполз на пол, уже ожидая, что коротышка начнет пинать меня ногами, но он лишь отошел к двери. А ко мне подошел центурион. Он достал из поясной сумочки небольшую склянку, распахнул на мне похожую на

короткое кимоно рубаху и начал быстро смазывать мои раны и синяки какой-то вонючей дрянью. Затем насильно влил в глотку мерзкую жидкость из тонкой колбы.

Через минуту я заметил, что боль проходит. Лован, закончив с медицинскими манипуляциями, спрятал склянки и демонстративно ударил друг о друга браслетами на руках. Звук получился удивительно чистым и звонким. Моряк повернулся на звук и, призывно махнув рукой, первым вышел из подвала.

Эта пантомима ни о чем мне не говорила, кроме того что Лован оказался немым. Вряд ли в имперском легионе держали людей с врожденным пороком, так что его немота являлась либо следствием несчастного случая, либо применения чьих-то «очумелых» ручек. В общем, подумать было о чем как в отношении судьбы центуриона, так и своей собственной.

Узкий сводчатый коридор вел из подвала вверх, и мы друг за дружкой поднимались по вырубленным прямо в искрящейся скале ступеням.

Интересно, такой цвет стен является особенностью конкретно этих подземелий или дальше будет так же?

Будет, уверенно подсказала чужая память, сообщая, что свое имя город получил неспроста.

Память памятью, но к зрелищу Золотого Города под лучами полной и до одурения большой луны я был откровенно не готов. Задняя часть трехэтажного здания выходила прямо к парапету небольшой террасы, с которой открывался шикарный вид на город.

Можно помнить все то восхищение золотом стен, на которое была способна отнюдь не самая поэтичная душа продажного мошенника, но видеть самому залитое молочным светом густое и очень живописное скопление домиков было настоящим потрясением. Город играл всеми оттенками золота — от белого до червонного.

Все казалось нереальным, игрушечным и словно нарисованным. Я невольно замер, пожирая глазами всю эту красоту. Похоже, центурион, несмотря на имперские корни, тоже был влюблен в этот город. Он не стал подталкивать

мою застывшую тушку, а остановился рядом и посмотрел вниз так, словно нежно поглаживал взглядом крыши домов.

А вот квадратный морячок не был настолько сентиментальным.

— Ну, че встали? У нас много дел.

— Зря ты так, Карн, пусть посмотрит. Может, это в первый и последний раз, — материализовалась из золотистого мрака смуглая красавица.

Вот уж спасибо за сочувствие и пожелания. А морячка, значит, зовут Карн. Интересное дело. Если память мошенника мне не изменяет, то на Кронайских островах имена, начинающиеся с буквы «К», получали только отпрыски островных царей. Хорошенькую компанию собрал граф: имперский центурион, островной принц... А смуглянка — что: дочь хтарского хана?

Для того чтобы не болтаться как марионетка на веревочках, необходимо срочно раздобыть необходимую информацию. Вообще-то информации было навалом — только подумай, и тут же в мозгу всплывает целый ворох, но как найти нужные сведения в том бедламе, который царит в мозгу Гатара?

Стоп. Мне ли, дитяти компьютерного века и интернета, искать способы копания в мусорной куче всевозможных сведений. Но как использовать для памяти систему работы интернет-поисковика?

Все эти мысли метались в голове, пока мы огибали угол здания, построенного из таких же искрящихся светлым золотом блоков, как и весь город. Выложенная чуть желтоватой плиткой тропинка вела в довольно обширный сад, в котором кроме деревьев я обнаружил довольно странную компанию — два десятка одетых в разномастные наряды людей. Память мошенника тут же опознала традиционную одежду сатарских мешан, кронайских поморов и даже несколько имперских купцов.

Все чего-то ждали. Примечательно, что, когда наша милая компания подошла ближе, народ демонстративно отошел подальше.

Ага, вот как здесь все устроено!

Оглянувшись, я посмотрел на сопровождавшую меня

троицу уже другими глазами. Похоже, ребята были либо очень надежными, либо смертниками — другим приказали держаться от меня подальше во избежание утечки информации.

Пока возникла пауза, я решил поковыряться в выданной мне во временное пользование памяти, только аккуратно, потому что слишком большие объемы воспоминаний вызывали жуткую головную боль.

Я присел на садовую скамейку и приготовился думать — вот уж не ожидал, что когда-нибудь буду относиться к этому процессу с такой осторожностью.

Итак, сейчас я нахожусь не на Земле — по крайней мере, об этом говорит незнакомый рисунок звезд и ненормально большая луна без всяких «рисунков». Информация, конечно, ценная, но в данный момент бесполезная. Важнее было точное место моего пребывания — княжество Сатар, которым правит какая-то там княгиня. Пришлomu мошеннику светская жизнь княжества была малоинтересна, поэтому ни имени, ни описания внешности местной правительницы его память не содержала.

Так, теперь насчет самого княжества. В памяти тут же услужливо всплыл очередной ворох информации, и я постарался осторожно выдернуть из него нити нужных знаний. Ощущения были такими, словно пытаешься вспомнить математическое уравнение, рассказанное учительницей в старших классах школы. Если это было давно, то всплывет только уравнение, без малейшего понимания того, как оно попало в голову. А вот если нужна информация, которую тебе сообщила, скажем, миленькая секретарша шефа всего два дня назад, то не факт, что среди впечатлений от форм и томного тона девушки можно будет разоб-
брать хоть что-то из того, что она говорила.

Размещенный в голове мошенника ворох информации о княжестве состоял из огромного количества рассказов, слухов и побасенок, при этом самые свежие несли с собой и все то, что Гатар помнил о рассказчиках. А это плохо — голова вновь начала болеть.

Так, а если попробовать посмотреть на все это поверхност-

но, без особых копаний, так, как смотрим на краткую информацию по ссылкам, не открывая их? О, получилось!

Княжество основали бывшие пираты. Правит им княгиня, а в советниках у нее озверевший от безнаказанности Кровавый Морж, который, несмотря на нелегальный статус своего «КГБ», давит воров, как кот мышей. В общем, дядька более чем серьезный, и шутить с ним себе дороже. Информации, конечно маловато, но спасибо Гатару и на том — хоть не попал в этот мир как кур в ошип. Сам удивляюсь, что подобное «переселение» не вызвало у меня паники, затяжной истерики и ступора. С другой стороны, это я был здесь новичком, а Гатар, чья память сейчас у нас одна на двоих, являлся уроженцем этого мира.

Кстати, а где сейчас сам хозяин данного тела?

Лучше бы я об этом не задумывался. В голову словно ударило молотом. Неожиданно окружающий мир поплыл, и я почувствовал, как где-то там, в глубине мозга, рвется скованная цепями рунного заклятия душа мошенника. Брызгая ненавистью и бешенством, Гатар пытался вцепиться в мою заледеневшую от страха сущность и растерзать, разбросав обрывки по всей вселенной. Казалось, это вот-вот случится, но тут меня накрыло темным одеялом беспомощности.

В реальность я вынырнул как из холодной воды, при этом ощущая какой-то мерзкий запах. Вся собравшаяся в саду братия смотрела на сомлевшего новичка, а прямо надо мной склонился профессор с какой-то баночкой в руках. Судя по запаху и действиям ученого — в баночке находился местный аналог нашатыря.

— Что это было? — с трудом прохрипел я, стараясь вновь не потерять сознания от жуткой головной боли.

— Если я не ошибаюсь, атака хозяина этого тела. Не знаю, что вы там делали, но не повторяйте этого снова, — лекторским тоном, но почему-то шепотом сообщил профессор, пряча жутко воняющую баночку обратно в сумку. В облике ученого произошла некоторая перемена в виде нового аксессуара — когда он наклонился, из-за ворота похожего на монашескую рясу одеяния свесился тот самый пу-

льсирующий кристалл, но теперь уже в сочетании с оправой и довольно толстой цепочкой.

— А без этого никак нельзя? — спросил я, с трудом принимая положение сидя. Хорошо хоть во время приступа я не стоял: каменная плитка на дорожке — не самое мягкое место для падения.

— В принципе можно, если нанести еще по одному уровню рун. Возможно, атаки будут не такими сильными, но все равно они будут.

— Но вы говорили, что узы...

— Узы действуют, — перебил меня профессор. Когда шел научный диспут, он забывал о своей вечной растерянности. — Если бы их силы иссякли, плененная душа разорвала бы вас в единый миг, а так вы можете бороться. По крайней мере, именно это сказано в трактате...

— Все, хватит лекций, начинаем работать, — прервал профессора появившийся из предрассветного тумана граф.

Кстати, рассвет был уже недалек — утренняя дымка заволакивала сад и все окрестные строения. При этом луна не успела уйти за горизонт, но уже серьезно потускнела. Выглядело это еще более потрясающе. — А ты, джинн, радуйся, что тебя вытащили в мир хоть на эти несколько часов.

— Какой на хрен джинн! — «Общение» с бывшим хозяином тела, головная боль и страх окончательно убедили меня, что все это не сон или бред. Поэтому хотелось получить объяснения прямо здесь и сейчас. Я вскочил и решительно шагнул к графу. — Я — человек, а вы вырвали меня из моего...

Договорить свою пламенную речь не удалось — кто-то положил ладонь мне на затылок. Пальцы что-то там сжали, и голосовые связки отказались выполнять свои функции. Воздух через горло выходил, но при попытке говорить получалось только какое-то сипение.

— Слушай сюда, «не джинн». Мне плевать, кто ты там есть на самом деле. Или ты ведешь нас к Оклу, или я делаю тебе очень больно, а потом ты все равно ведешь нас к Оклу, — зашипел мне в лицо Карн.

Значит, манипуляции с моей шеей проводил Лован, так как ладонь находилась на прежнем месте. Граф в это время

говорил что-то одному из переодетых агентов. Моя персона, а тем более возмущенные речи его не интересовали ни в малейшей степени.

Выразительный взгляд коротышки говорил, что он ждет ответа, поэтому пришлось прошипеть нечто положительное.

— Ну вот и молодец. Но, если еще раз надумаешь орать то, чего не следует, либо я, либо Лован попросту прирежем тебя как бешеную собаку. Кстати, если это посчастливится сделать мне, будет очень больно.

Пока у нас проходили эти тихие разборки, народ пришел в движение. «Мещане» и «торговцы» по одному покинули сад и растворились в тумане.

Извилистые улочки города, чем-то напоминающего колониальное поселение испанского стиля, конечно, если выкрасить дома в золотистый цвет, вели нашу разросшуюся за счет переодетых агентов компанию куда-то ближе к морю.

Когда мы обогнули садовую стену дворца, я вновь едва не задохнулся от восхищения. Бледная луна за спиной освещала убегающие к морю желтоватые крыши домов и золотые нити улочек. А дальше лунный свет играл сверкающими серебряными каплями на волнах темного моря. И все это было окутано легкой дымкой предрассветного тумана.

С ума сойти! Никогда не замечал за собой такого эстетизма, но раньше я никогда и не видел подобной красоты. Влажные ароматы моря и каких-то цветов довершали картину ночного рая, и мне безумно захотелось увидеть Сатар днем. Как жаль, что на жизнь, притом украденную у другого человека, мне отведено всего несколько часов.

Идущие впереди «мещане» начали накапливаться на одном из перекрестков. Остановились и мы.

Пока стояли на месте, я с удовольствием наслаждался окрестными видами. Но тут опять вмешался злобный коротышка. Оказывается, все ждали именно меня.

— Э, шнырь, о чем мечтаем! Куда дальше?

Очень интересно, можно подумать, я знал куда. Впрочем, знал. Ослабление контроля над памятью стоило мне еще одного приступа боли и «прилетевшего» пакета совер-

шенно ненужной информации: дорога к кабаку «Безногий осьминог», к лавке старьевщика, баловавшегося скупкой краденого, и даже к борделю Пышки Лалы.

Так, пора сосредоточиться, или у Карна окончательно лопнет терпение. Куда же мошенник собирался идти сегодня ночью? Точно — в гости к Оклу. Дворянчик назвал свою цену, кстати, очень неплохую — тысяча золотых империалов, — и эту информацию нужно было донести до Кривого. Маршрут тут же сложился в голове.

— Мне туда, — ткнул я пальцем в сторону одной из улочек перекрестка и тут же остановил шагнувшего вперед моряка. — Не торопись, морячок, я сказал, что туда нужно идти мне, а не нам. Вы останетесь здесь.

Карн проворчал что-то на кронайском, которого Гатар, а соответственно и я не знали, а затем посмотрел на Лована. Лысый легионер утвердительно кивнул.

Оп-па... А центурион, оказывается, не так уж прост, и в этой команде он явно главный, как минимум в отсутствие графа. Морячок же выполняет функции кулака и, когда нужно, языка командира.

Осмотревшись вокруг, я с внутренней улыбкой увидел полтора десятка «гуляющих горожан». И это перед рассветом, когда даже самые отчаянные гуляки давно расползлись по домам!

Да уж веселуха. Граф Гвиери, конечно, крут и ужасен, а его служба вообще нечто кошмарное, но это действительно цирк.

Не знаю, что на меня подействовало — отчаянность ситуации или внутренний протест, — но нерешительность куда-то ушла, и мозг четко начал прорабатывать необходимые действия для выполнения поставленной задачи. Как бы то ни было, другого выхода не оставалось — как-то не хотелось проверять, какие именно кошмары ждут меня в случае неповиновения. С другой стороны, задерживаться в теле Гатара было боязно, особенно после его «душевной» атаки.

В густой тени с изрядной примесью тумана я заметил нескладную фигуру ученого.

— Профессор, вы не могли бы подойти?

На мою просьбу отреагировали сразу и Урген, и Карн.

Морячок угрожающе набычился, и тут же на его плечо легла рука более сообразительного Лована. Но намек я понял.

Услышав фактически приказ, профессор подбежал к нашей компании мелкой рысью.

— Слушаю вас, — тихо отозвался ученый.

— Пара вопросов, профессор. Если меня убьют, я окажусь в этом камне? — таким же шепотом спросил я, тыкая пальцем в грудь ученого.

— Да.

— А если не убьют, то через пару часов хозяин тела сожрет мою душу и вернет тело себе?

— Не совсем так: вы оба потеряете свои души. Это тело умрет в любом случае.

— Каково расстояние, на котором вы сможете следить за мной с помощью камня?

— Не уверен...

— Двести-триста шагов?

— Гарантированно, — обрадовался сообразительности собеседника профессор.

— Ну, тогда я пошел. До встречи, краб, — уже громче сказал я, не удержавшись от довольно опасной шалости. Впереди ждала почти стопроцентная смерть, а выходки моряка, действительно похожего на краба, откровенно достали.

Весь комизм ситуации был в том, что крабами на Кронайских островах называли пьяных вдрызг или совсем уж неуклюжих людей. Гатар не был знатоком островного этноса, но эту особенность знал достоверно.

Карн хотел двинуть мне в морду, но вновь был остановлен центурионом. Глаза кронаяца при этом обещали мне много интересного в будущем.

Что-то я расхрабрился. Интересно, с чего бы? Либо еще не до конца поверил в реальность происходящего, либо действовала химия этого тела — Гатар был довольно отчаянным парнем.

Оставив компанию позади, я прошелся по Коралловой улице и нырнул в улочку под веселым названием Три Висельника. По городским легендам, здесь когда-то совершили

массовый и «добровольный» суицид три вора, проштрафившихся перед своими коллегами.

Так, что мне нужно предпринять, чтобы не запороть задание графа в самом начале? Внутренне я уже решил сделать все, чтобы достать Кривого Окла. Во-первых, я не в том положении, чтобы капризничать, во-вторых — те, против кого играет граф, ищут магическую бомбу явно не для подрыва местной тюрьмы. Так что займемся шпионскими играми и спасением чужого мира.

Блин, действительно сбылась мечта идиота!

Что мы имеем на данный момент? Окл — очень хитрый и осторожный гад. Расположения места, в котором он обитает, не знают даже ближайшие соратники, тем более такие чужаки, как Гатар. После беседы с таинственным дворянином я должен был встретиться с человеком Окла в конторке Юрга Менялы, но это еще не значит, что переговоры пройдут именно там. К тому же окрестности дома Юрга, а возможно и весь припортовый квартал, наверняка пасли шестерки Кривого. Может, нашу веселую компанию уже срисовали и теперь меня ждет развлечение в виде пера в бочину или «бычьего языка».

Постепенно мои мысли начали окрашиваться откровенно бандитскими оттенками — похоже, сказывалась натура Гатара.

Только резких изменений в характере мне и не хватало! Кстати, «бычий язык» — это то же, что и «колумбийский галстук», в общем, приятного мало.

Продолжая ковыряться в одолженной вместе с мозгом памяти, я дошел до перекрестка улицы Капитанов и улицы Роз, на которой и проживал Юрг. Сам припортовый квартал богатством не блистал, но дома все равно играли золотом. Даже покореженная дверь лавки менялы была сделана из белого, довольно дефицитного дерева — что поделаешь, традиция.

Постучать я не успел: разохшаяся дверь резко открылась, и в проеме появилась перепуганная физиономия Юрга.

— Гатар, каракатица тебя задеря, где ты ходишь? Парни Окла уже начали тянуть из меня жилы.

— Спокойно, Юрг. На тот свет всегда успеем, — небреж-

но отмахнулся я, и тут же по вытянутой физиономии Юрга понял, что переигрываю. Память услужливо, но не очень оперативно подсказала, что с черным юмором у местных бандитов плохо из-за предрассудков. — Все нормально, пришлось задержаться. Где мои провожатые?

Господи! Вот это рожи! Посланцы Окла были похожи на помесь горилл и гризли. Волосы у обоих начинали расти еще от бровей. А челюсти можно было хоть сейчас использовать в качестве камнедробилок. И эти «веселые ребята» явно были чем-то расстроены.

— Так, парни, спокойно, — решил я провести превентивные меры. — Если вы меня сейчас прибьете, что вам на это скажет Окл?

— Я только разок двину, — промычал один из горилло-медведей.

— Ты сначала посмотри на свой кулак, а потом на мою голову. После твоего «двину» разговаривать с боссом будет уже некому, — ухмыльнулся я в лицо громиле, наблюдая за движением его мысли от маленького лба к затылку.

Блин, как же весело ничего не бояться! Говорят, что надежда — это хорошо. Вот только желание верить в то, что безнадежная ситуация не совсем безнадежна и еще можно все исправить, рождает страх, а эта гадость похуже любой отравы — она способна превратить человека в скулящее животное. А вот когда надежды нет — все просто и понятно. Все равно умирать, так чего же бояться? Сколько там осталось — час или уже меньше? Неожиданно я вспомнил свое поведение на том злополучном складе, и мне стало невыносимо мерзко.

Медлительная мысль в голове мордovorота наконец-то доползла до финиша.

— Пошли давай, — прогундел он, явно недовольный сделанными выводами.

Я уже хотел направиться на выход, но Юрг зачем-то сдвинул в сторону стол. А дальше было еще интересней — под столом в каменном полу явно прорисовывался люк.

Вот идиот! Не мог включить мозги? Вырубленный в скале подвал под резиденцией графа, сплошь золотистые стены домов, сложенные из камня той же породы. И я — «вели-

кий мудрец», который не раз гостил у дяди в Одессе, — не подумал о катакомбах. Да, это уже клиника.

— Прыгай, — вновь удивил обширностью своего лексикона мордворот.

Пришлось прыгать. Интуиция меня не подвела — это действительно были катакомбы. Урген со своим камешком будет искать меня очень долго.

С виду катакомбы ничем особым не отличались от тех, что я видел в детстве, — конечно, если не учитывать разницы между песчаником и этим совершенно невообразимым искрящимся камнем. А так — то же самое: однообразные квадратные тоннели — и мы, три «спелеолога», бродящие по запутанным выработкам в неверном свете двух ламп. Надеюсь, они хорошо знают дорогу, а то, чтобы избежать близкого знакомства с очень злой после заточения душой Гатара, мне придется разбивать свою голову об эти чудесные стены. А это наверняка больно. Был, конечно, вариант с оскорблениями в адрес одного из провожатых, но думаю, что в этом случае будет еще больше.

Путешествие особо не затянулось, но компании графа пользы от того было мало: пропетляли мы изрядно. Неприятно сузившийся штрек вывел нашу троицу в большую, метров сто в поперечнике, пещеру, причем она не была похожа на обычную строительную вырубку — кто-то явно постарался, украшая этот зал.

На стенах извивались линии непонятного смысла фрески, а посреди зала возвышался небольшой бортик бассейна. То, что это не бассейн, стало понятно, когда мы подошли ближе. Конструкция оказалась «калачом» широкого, метра три, и наверняка очень глубокого колодца. Невольный взгляд вниз ничего интересного, кроме мягкого мрака, не выявил. Я вообще заметил, что даже темнота в этом городе необычная — какая-то бархатная.

— Там очень глубоко, так что лететь долго, — раздался за спиной трубный голос, едва не заставивший меня подпрыгнуть от неожиданности. Для верности шагнув назад, я увидел у противоположного входа в пещеру Кривого Окла собственной персоной. Да уж, он действительно был и кривой,

и жирный. Как вообще эта туша могла передвигаться на своих двоих?

— Никогда не мечтал летать, даже в детстве, — заверил я одноглазого толстяка, стараясь говорить максимально спокойно, насколько это было возможно в моем положении.

Окл подошел ближе, двигаясь как перекормленная утка, а серо-зеленые шторы, которые он, по-видимому, считал одеждой, колыхались в такт шагам. Человек десять его охраны тут же грамотно рассредоточились по пещере.

— А вот я мечтал, — очень даже умильно вздохнул глава местных воров и убийц.

— Кто бы сомневался, — не удалось мне удержаться от шпильки.

— Что ты сказал? — Внезапно свинья превратилась в очень опасного кабана.

— Ничего, Окл, давай займемся делом, а то мне что-то не нравятся ваши достопримечательности, — постарался я замять неосторожную фразу, при этом контролируя себя, чтобы не добавить, что от Окла и десятка его бандитов я тоже не в восторге.

— Хорошо, деловой ты наш. Что можешь мне сказать?

— Тысяча золотых, — не стал я тянуть kota за хвост.

Окл моментально разразился хриплым хохотом.

Это сколько же должна стоить магическая игрушка, что такая баснословная для местных жителей сумма вызвала пренебрежительный смех?

— Виконт, видимо, пошутил, — отсмеявшись, смахнул Окл набежавшие слезы.

— Знаешь, Кривой, меня как-то мало волнует вся эта дребедень. Говори, сколько хочешь, и разбежимся.

— Десять.

— Не уверен, что виконт согласится.

— Мне все равно — или десять, или артефакта он не получит, так и передай.

— Хорошо-хорошо, — постарался я успокоить бандита, честно говоря, не зная, что теперь делать. Моя силовая поддержка где-то гуляла, а Окл сейчас уйдет. — Я передам, но хотелось бы видеть товар.

Окл некоторое время сверлил меня взглядом единствен-

ного глаза, а затем все же достал из складок своей бесформенной драпировки нечто, похожее на половинку яйца.

— Доволен?

— Вполне.

А что еще я мог сказать?

— Тогда свободен. Передай виконту, что торговаться я не буду.

— Окл...

— Я сказал: свободен, — жестко повторил бандит, и два моих звероподобных сопровождающих шагнули ближе, а между ними — вот неприятность — появился еще один колоритный персонаж.

С мелким воров по кличке Крыса я, точнее Гатар, познакомился неделю назад. Пара неосторожных фраз, сказанных в вонючей таверне, — и Гатар разбил костяшки, а Крыса получил симпатичный двусторонний синяк под оба глаза. Синяк почти сошел, а вот обида у крысеныша явно осталась.

— Ты что, глухой? Хозяин сказал — свободен, — съязвил Крыса, доставая из-за пояса шило. Моя рука инстинктивно потянулась к поясу, где должен был храниться точно такой же инструмент вelayских нищих, у одного из которых Гатар научился недурственно владеть этим странным оружием. Но, увы, шила на месте не оказалось — «спасибо» Карну. Через секунду горилломедведи подхватили меня под руки и потащили к выходу, а Крыса поплелся следом, явно подбিরая момент, чтобы ткнуть меня шилом в зад.

Внезапно мои буксировщики застыли на месте. Я всмотрелся в плохо освещенный дальний конец пещеры и увидел, как из темных провалов вырубленных в камне коридоров выбегают «мирные горожане». Картинка, конечно, была абсурдной — одна из «мещанок» в длинном сером платье с синим передником профессионально отработанным движением вскинула арбалет и пристрелила одного из бросившихся в ее сторону телохранителей Кривого.

Любопытный Крыса оббежал застывших здоровяков, чтобы рассмотреть происходящее, а затем резко повернулся ко мне.

— Ах ты ж крыса!

Это я-то? Кто бы говорил!

Вор шагнул вперед, занося руку для удара.

Ну и что мне оставалось делать? Я конечно же предпринял попытку спастись, но тело Гатара не пожелало действовать по предложенному мною сценарию — то есть тупо дергаться в руках здоровяков. Намертво вбитые вельайским нищим рефлексы заработали на полную силу, несмотря на боль в избитом теле. Плавное движение словно пружина скрутившегося тела — и руки выворачиваются из ладоней бандитов. Шаг вперед, захват правой рукой, удар ребром левой — и шило уже в моей ладони, а Крыса с хрипом в перебитой гортани валится на землю. Еще один шаг с разворотом, шило резко клюет одного из здоровяков под левую грудь — и он тут же заваливается на бок с пробитым сердцем.

Круто!

Восхитившись, я пожелал сделать удар в висок оставшемуся конвоиру более изящным и тут же поплатился за дурное намерение — шаг сбился, и бандит ушел от выпада, встретив меня ударом в грудь. Словно кувалдой саданули! Бандит делает шаг вдогонку, но уже с длинным ножом в руках.

Ну что, приехали?

Заваливаясь на спину, я обреченно прикрыл глаза, но тут тело мошенника воспользовалось тем, что дурной возница выпустил вожжи. Падение перешло в кувырок через голову, и как только ноги коснулись пола — толчок вперед. Пропустив перед собой мелькнувший в воздухе нож, я на контрдвижении ткнул шилом вверх, попадая развернувшемуся по инерции здоровяку под челюсть с правой стороны.

Через секунду на полу пещеры лежало два больших трупа и один маленький: Крыса к тому времени уже затих.

Так, с этим надо что-то делать — либо научиться взаимодействовать с рефлексами тела, либо завести привычку не мешать ему. Сейчас мне просто повезло, а что будет дальше?

Из передраги с конвоирами удалось выбраться, хотя какая мне от этого польза? Осмотревшись вокруг, я увидел, что все подручные Окла лежат на земле, нашпигованные арбалетными болтами, а все выходы из пещеры перекрыты. Зря я насмеялся над людьми графа — когда это нужно, работают они солидно.

Из бандитов на ногах остался только Окл. Внезапно единственный глаз Кривого злобно сверкнул, и он, сжав в пухлых руках артефакт, коротко, словно выплюнув, произнес какое-то слово.

— Нет! — между стенами пещеры заметался панический вскрик Ургена, который явно догадался, что именно произошло, точнее, произойдет через секунду.

Резкий рывок — и я бросился к Оклу. Бежать было недалеко, метров двадцать, но все равно эта пробежка заняла пару секунд, за которые удалось многое обдумать.

Зачем мне это нужно? «Похитители душ» не были моими друзьями, а смерть зловредного Карна была бы только в радость. Но за секунду до рывка, повернувшись на крик ученого, я поймал взгляд Яны. В ее глазах была такая растерянность, страх и жажда жизни... Не скажу, что влюбился — малышка хороша, но немного не в моем вкусе, — и все же губить такую красоту нельзя. К тому же очень не хотелось дожидаться момента, когда душу Гатара уже не будут сдерживать магические узы.

Подбегая к колодцу, я увидел, как Окла утыкали болтами, что дикобраза, и это было не очень хорошо — если он упадет на пол пещеры, мой героический забег окажется бессмысленным. К счастью, тело главаря бандитов было бронировано толстым слоем жира, который немного прикрыл жизненно важные органы, что задержало падение на доли секунды.

И этого мне хватило. Толчок, удар — и мы, обнявшись как родные, перевалились через кромку широкого колодца.

Полет затянулся секунды на три, а потом была яркая вспышка и короткий всплеск боли.

Маленькая комната с бедной, можно даже сказать нищенской, обстановкой — и я в ней. Причем полное ощущение хоть и очень четкого, хорошо просматриваемого, но все же сна. Да, и еще: я почему-то в образе маленького мальчика. За дверью комнаты раздаются тяжелые шаги. Кажется, весь дом содрогается от этой грозной поступи. Мне очень

страшно. И страх какой-то детский — яркий и очень острый.

Хлипкую дверь снесло от сильного удара, и в комнату ввалился огромный, как гора, папаша Гатара. Похоже, я нахожусь в его сне, точнее — кошмаре.

Что это? Взрыв не удался или я протащил в кристалл кошмары оккупированного тела? Впрочем, маленькому Гатару было не до этого. Страх достиг апогея, и я рыбкой ныряю в окно. Вслед летит рев взбешенного родителя. Дальше пошло мельтешение улиц города — явно не Сатара. Папаша Гатара гонится за мной, догоняет и зверски бьет. Боли не было, но все равно неприятно и страшно — детский страх заразителен. Да уж, тяжелое у Гатара было детство, так что склонности садиста — я все же мельком заглянул в эту часть его памяти — появились неспроста.

Интенсивность приключений маленького Гатара нарастала — погоня все время повторялась, а папаша постепенно превращался в какого-то монстра. По идее это должно было очень меня испугать, но куда там фантазиям городского мошенника до бреда голливудских режиссеров. В общем, терпимо, и если кто-то ожидал, что я вырвусь из камня с паническими воплями, то сильно ошибался.

Глава 2 ВИКОНТ

Белесая поволока постепенно рассеялась, и я увидел лазурное небо с барашками облаков, а между облаками резвились какие-то эфемерные создания с прозрачными крыльшками.

Только не говорите мне, что я попал в рай: не с моим суконным рылом. Впрочем, все оказалось намного прозаичнее — это опять был потолок, в этот раз довольно талантливо расписанный местными мотивами запредельной жизни. Помимо обстановки от предыдущего «включения» отличалось и мое состояние — побоев меньше, а татуировок больше. Я пока еще не видел, но жжение по всему телу говорило,

что по количеству наколок новый образ легко переплюнет любого байкера.

Рядом с правым ухом кто-то громко зазвенел стеклом. Повернув голову, я увидел, как Урген собирает баночки с красками. Еще один поворот головы позволил мне лицезреть очень довольного Карна, усевшегося на подоконник большого окна.

Новое тело в принципе слушалось нормально. Я осторожно сел и только тут понял, что валяюсь на холодном полу совершенно голый. Мошенника при «вселении» не раздевали, но и заклинаний на нем было значительно меньше.

Наготу нового тела прикрывали только свежие татуировки, конечно, если это можно было назвать прикрытием. Кроме морячка в комнате находилась вся команда: Лован, развалившись в кресле, что-то читал, а Яна перебирала баночки у косметического столика с большим зеркалом.

Мы что, в будуаре какой-то дамы?..

И тут в один момент все стало на свои места — и умопомрачительный набор косметики, заинтересовавший даже хтарку, и слишком уж изящный интерьер комнаты, и ехидная ухмылка Карна.

Блин! Куда я попал?!!

Карн соскочил с подоконника и подошел ближе. Его ухмылка стала еще безобразнее.

— Ну как, тебе нравится? Мне — очень, — тоном одного злобного доктора спросил моряк.

— Вот уж не знал, что кронайским морякам нравятся голубые, — тут же среагировал я.

— Какие? — напрягся Карн.

Похоже, в этом мире еще не успели опошлить голубой цвет. Порывшись в липкой памяти виконта Вляю, я добавил:

— Мужеложцы.

— Что-о!!!

Я ждал чего-то подобного, а вот то, что Лован окажется настолько быстр, оказалось для меня сюрпризом — центурион умудрился вскочить с кресла и поймать Карна за ши-

ворот морской безрукавки раньше, чем тот съездил мне по морде.

Блин! Да что же у меня с инстинктом самосохранения? Так и убить могут. Ведь знал же, еще из памяти Гатара, что кронайцы — жуткие гомофобы.

— Оставь его в покое, сам виноват, — отозвалась от зеркала Яна, но, заметив мой благодарный взгляд добавила: — Прекрати пялиться на меня и оденься, смотреть противно.

Ах вы, неблагодарные сволочи, особенно вот эта красотка! Я вас спасал, а вы...

Впрочем, недовольство длилось недолго — неприятная пилюля досталась и хтарке. Лован звякнул браслетами и что-то показал девушке на пальцах.

— Я?! — возмущенно фыркнула смуглянка.

Еще одна серия жестов и довольно опасный прищур центуриона убедили девушку, и она направилась в сторону большого шкафа. Похоже, меня сейчас будут одевать. Только близость подобной особы напоминает личный контакт со скорпионом.

Яна ловко помогла мне облачиться в совершенно дикий наряд, состоявший из безвкусного желто-синего камзола с дикими ярко-красными бантами, остроносых туфель с золотыми пряжками и лосин, больше похожих на женские колготы.

Боже, что здесь за мода, особенно эти лосины?! Хотя, возможно, все не так плохо — я точно помнил, что у графа в сочетании с камзолом шли нормальные брюки. Под самый конец одевания меня ждал сюрприз — нахлобучив на мою голову шляпу, Яна под видом затягивания каких-то ремешков в камзоле, тихонько шепнула на ухо: «Спасибо», — и незаметно поцеловала в шею. Тело виконта содрогнулось от отвращения, а мне поцелуй понравился — вот такое внутреннее противоречие.

Ох и трудно будет в этой оболочке!

После одевания Яна усадила меня у туалетного столика. Короткий взгляд в зеркало вызвал неожиданную слабость и головокружение. Можно «догадываться», что это тело не твое, именно догадываться, а не ощущать. Чувствовать может само тело, а не кто-то в нем. Даже более чем экстрава-

гантная одежда виконта не мешала и не натирала — я-то лосин никогда не носил, а вот виконт так одевался всегда, и его тело не ощущало дискомфорта, значит, и мне ничто не мешает. А вот увидеть в отражении чужое лицо — это шок.

Яна почувствовала мою дрожь и спросила:

— Все в порядке?

Глубоко вздохнув, я вновь посмотрел в зеркало, стараясь воспринимать все как телевизор с каким-то чужим парнем на экране.

— Все, я в норме. А ты уверена, что это необходимо? — настороженно покосился я на щеточку в ее руках.

— Да, если виконт появится на людях без макияжа, это вызовет намного больше разговоров, чем его променад голышом. Кстати, такое уже бывало.

— Уж лучше голым, — пробурчал я, рассматривая в зеркале бледное лицо субличного юноши, которое в сочетании с тенями и румянами становилось еще неприятнее. Нездоровый цвет лица, лихорадочный блеск в водянистых глазах и тонкие губы с морщинами в местах образования презрительной ухмылки.

Это лицо мне совсем не нравилось, но я даже не подозревал, насколько, и, лишь осторожно заглянув в его память, понял, что за человек этот виконт. Оргии, кутежи в сочетании с постоянной скукой — вот и вся жизнь богатого наследника когда-то славного рода. От прикосновения к воспоминаниям виконта остался липкий и очень неприятный след на душе.

Я никогда не был ярым гомофобом, просто не понимал этих людей, но виконт, конечно, еще тот фрукт. Скука — страшная вещь: умноженная на достаток, отсутствие обязанностей и целей в жизни она способна превратить человека даже не в животное, а в какого-то монстра, эндорфинового наркомана.

Копания в липких сгустках памяти ничего важного в плане информации не принесли — в заговоре виконт Вяло оказался случайно. Единственное, что могло помочь графу, — так это имя заказчика, того, кто втянул в заговор юношу и заказал у Окла вторую часть артефакта.

По окончании процедур я, дабы хоть как-то избавиться

от душливого запаха духов, решил подышать свежим воздухом у окна.

Моему намерению никто не препятствовал — народ вернулся к прерванным делам: Яна — к инспекции дорогой косметики виконта, Карн пересел с подоконника на широкий диван, Лован вернулся к книге. А вот профессор занялся явно не очень привычным для себя делом — рискуя окончательно испачкать свою «рясу», он ползал по паркету, стирая подозрительно гламурной тряпкой свои «художества». Пентаграмма была большой, так что работать ему придется долго. Никто из троицы силовиков помогать ученому не собирался, а лишних глаз в этом деле явно не предусмотрено. У меня же и подавно не было ни малейшего желания помогать местному экспериментатору — во-первых, я не давал разрешения на участие в его опытах, а во-вторых, было жалко портить работу Яны. И не потому что этот павлиний наряд мне нравился, а оттого что на него было потрачено много усилий девушки и моего терпения.

Дневной Сатар был другим. Не знаю, то ли прямолинейное солнце слишком безжалостно высвечивало недостатки Золотого Города, то ли тело вечно недовольного виконта внесло свои коррективы в мое восприятие. А возможно, и то и другое. Под полуденными лучами Сатар напоминал очень дорогое, но немного безвкусное украшение, — я вообще никогда не любил золота, предпочитая ему серебро. Днем появилось ощущение подделки, куда-то ушло очарование ночной сказки. Ночь вообще является идеальным выставочным фоном для всего на свете, а луна всегда была самым снисходительным осветительным прибором, высвечивая лучшие стороны и ретушируя недостатки, к тому же заставляя воображение дорисовывать что-то свое, потаенное и желанное. А вот солнце показывало все как есть на самом деле, без скидок и прикрас. Это касалось всего: и узких улочек, где на фоне «золотых» стен ходили разные люди — от праздного гуляющего дворянина до золотаря с бочкой человеческих отходов, — и сложной композиции черепичных крыш, лишь претендующих на ансамбль. Но, несмотря на все мелкие недостатки, дневной Сатар был по-своему красив, наполнен жизнью и уж точно неординарен.

Кроме города день заставил меня по-другому посмотреть и на себя, точнее — на себя самого, а не на тело виконта.

Блин, как же все непросто! Что со мной происходит? Вчера, если это было вчера, я убил двух человек, но никакого неприятного осадка при этом не чувствовал. Прошлое словно было отсечено прозрачной, но очень крепкой стеклянной стеной: все помню, но я не там, а здесь, и то, что происходит за стеклом, меня как бы не касается. Возможно, именно так чувствуют себя убийцы — те, что не окончательно сошли с ума. Маньяки же наверняка плещутся в своих воспоминаниях, как крокодилы в вонючем болоте. Впервые мне стало страшно, по-настоящему страшно не за жизнь, и даже не за разум, а за душу.

От дальнейших душевных терзаний, которые могли привести куда угодно, меня спасло появление графа.

Рывком распахнулись широкие, все в золотистых завитушках двери — и в комнату стремительно вошел граф Гвие-ри. Все, кто сидел, тут же вскочили на ноги, и даже Урген рывком поднялся с колен, нелепо удерживая грязные панталоны виконта в вытянутых руках.

— Урген, бросьте тряпку и присаживайтесь, прислуга домоет. Нам нужно поговорить, — осмотрев непонятное пятно на полу, «милостиво» разрешил граф.

«Силовики» быстро соорудили из имеющейся в комнате мебели круговые посадочные места, и мы уселись лицом друг другу, как при групповой психотерапии.

— Итак, у нас наконец-то появилось время, чтобы немного прояснить ситуацию. Я намеренно отложил объяснение до возвращения джинна, который почему-то оказался не джинном, — граф выразительно посмотрел на сжавшегося Ургена. — Наш новый коллега очень хорошо проявил себя при захвате Окла, и я решил, что ему не помешает быть в курсе. Всем остальным раскрываю фишки по причине важности дела, а также потому, что вы уже являетесь носителями очень опасного знания. Вам я доверяю, а профессор и... — Он вопросительно посмотрел на меня.

— Иван Боев.

— Так вот, и профессор, и господин Ван, — по-своему воспринял мой ответ граф, — не смогут допустить утечки,

даже если пожелают. Конечно, если хотите, чтобы мы вырезали всех случайных прохожих, можете поорать в окно, но легче вам от этого не станет.

Если он рассчитывал, что я вдруг весь изойду в раскаяниях за свое поведение в саду, он сильно ошибался.

Граф резко встал, жестом останавливая подымающуюся тройцу. Мы с Ургеном таким подобострастием не страдали. Пройдясь по комнате, Гвиери что-то там для себя решил и вернулся к слушателям, но садиться не стал.

— Итак, позавчерашняя операция была экспромтом и скорее пробной акцией, нежели чем-то продуманным. Вселение в тело мошенника — а мне кажется, этот термин подходит лучше, чем «одержимость», — мы произвели как пробное. А сейчас мы переходим к главному. В последнее время в княжестве происходит что-то странное, то, над чем я оказался не властен. Если жизнь города — как ночная, так и дневная, — контролируется мною полностью, то влезть в дела высшей знати без позволения княгини мне не удастся. Я не мог себе позволить даже официального ареста этого мерзкого сморчка-виконта. Как понимаете, Ван, это не о вас, — тут же уточнил граф. — А делать что-то нужно. В городе происходит нечто опасное, я это чувствую.

Разномастная тройца «силовиков» слушала очень внимательно — похоже, в умении графа чувствовать опасность они не сомневались. А мне, честно говоря, все это было до лампочки, и я просто ждал, когда «оперативная летучка» дойдет до места, где будет говориться обо мне.

— Добраться до виконта и тех, кто за ним стоит, я мог только с помощью запретных знаний профессора. Поэтому хочу, чтобы вы осознали, чем нам всем грозит занятие черной магией. — Граф проникновенно осмотрел своих слушателей, и если в глазах своих подчиненных он увидел преданность и решительность, а в глазах Ургена страх, то я выразил только раздражение — как-то фиолетово, на каком костре станут жечь эту компашку: меня все равно там уже не будет.

— Нашему гостю не страшно? — опасно сузил глаза граф.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1. Мошенник</i>	9
<i>Глава 2. Виконт</i>	34
<i>Глава 3. Пират</i>	74
<i>Глава 4. Дари</i>	119
<i>Глава 5. Генерал</i>	161
<i>Глава 6. Генерал-инспектор</i>	211
<i>Глава 7. Император</i>	275
<i>Глава 8. Баронет</i>	366
<i>Эпилог</i>	373